

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ПРИНЦ
ХАОСА

ЛУЧШАЯ
ФАНТАСТИКА
ПО ЛУЧШЕЙ
ЦЕНЕ

Хроники Амбера

Роджер Желязны

Принц Хаоса

«ЭКСМО»

1991

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Желязны Р.

Принц Хаоса / Р. Желязны — «Эксмо», 1991 — (Хроники Амбера)

ISBN 978-5-04-090282-8

«Принц Хаоса» — десятый роман из «Хроник Амбера». Этой книгой Роджер Желязны завершил свою знаменитую фантастическую эпопею. Главный герой романа — Мерлин, сын Корвина Амберского и Дары из Владений Хаоса, — понимает, что его появление на свет было не случайностью, а результатом тщательно продуманного плана, осуществление которого должно привести Мерлина к престолу Хаоса...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-090282-8

© Желязны Р., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Роджер Желязны

Принц Хаоса

Глава 1

Видел одну коронацию – считай, что видел их все. Звучит цинично, да так оно и есть, особенно когда главное действующее лицо – твой лучший друг, а его королева – твоя же мимолетная любовница. Все как обычно: процессия под бесконечный заунывный аккомпанемент, а еще неудобные цветастые одеяния, фимиам, речи, молитвы, звон колоколов... Утомительно, душно и требует от вас лицемерного участия, как на свадьбах, актовых днях или тайных посвящениях.

Итак, Люк и Корэл стали повелителями Кашфы, причем в той самой церкви, где всего несколькими часами ранее мы почти до смерти – к сожалению, только почти – сражались с моим безумным братом Джартом. Как единственному представителю Амбера, пусть формально и не имеющему официального статуса, мне было пожаловано наилучшее место, и взоры присутствующих частенько скользили по моей особе. А посему приходилось постоянно быть начеку и гримасничать приличествующим ситуации образом. Хотя Рэндом и не присвоил официального статуса моему присутствию на церемонии, я прекрасно понимал, что он будет возмущен, если услышит, будто мое поведение в чем-либо противоречило букве протокола.

Таким образом, для меня все закончилось израненными ступнями, онемевшей шеей, а также насквозь промокшими пестрыми одеяниями. Таков шоу-бизнес. Впрочем, никакого выбора у меня и не было. Мы с Люком пуд соли съели вместе; стоя здесь, изнемогая и гадая, что будет с ним теперь, когда он коронован, чем я мог ему помочь – разве что вспоминать самые распроклятые времена и необычайные приключения: от острия меча до поиска следа, от картинных галерей и до блуждания по Теням... Подобный казус превратил моего дядю Рэндома из беспечного музыканта, свободного и развратного, в мудрого и респектабельного правителя, хотя что до первоначальных качеств, то здесь я могу опираться лишь на воспоминания родственников. Я тешил себя надеждой, что добродушного Люка все это не слишком уж изменит. Опять-таки Люк совершенно другой, нежели Рэндом, не говоря уж о том, что он гораздо моложе. Хотя невообразимо, что могут сотворить годы – или это в порядке вещей? После недавних событий я и сам ощущал себя совершенно другим, нежели не в столь давние времена. Если на то пошло, то я сильно изменился и со вчерашнего дня.

Во время заключительного песнопения Корэл ухитрилась передать мне записку, где назначила встречу, сообщив время, место и даже начертив небольшой план. Мы встретились вечером в задних покоях дворца. Тут я узнал, что, оказывается, ее и Люка поженили заочно еще детьми; такова была часть дипломатических договоренностей между Джасрой и Бегмой. Из дальнейших дипломатических ухищрений ничего не вышло. Властители вроде и забыли о свадьбе, пока новые события не послужили напоминанием. Друг друга они не видели годы. Однако была запись, и она гласила, что принц женат. И коли аннулировать запись нельзя, Корэл должны короновать вместе с Люком. Если в этом была хоть какая-то польза для Кашфы.

А она была – Эрегнор. Бегманская королева на троне Кашфы поможет смягчить напряженную обстановку, сопровождающую захват чужой территории. Наконец, таково было мнение Джасры, как сообщила мне Корэл. И Люк поддался всему этому, тем более при отсутствии гарантий со стороны Амбера и ныне более не существующего Договора Золотого Кольца.

Я обнял Корэл. Ей было нехорошо, несмотря на казавшееся поразительным восстановление после операции. Она носила черную повязку на правом глазу и вся дрожала, стоило моей руке случайно оказаться рядом – или даже когда я смотрел на нее слишком долго. Я не мог и

предположить, что побудило Дворкина заменить поврежденный глаз Судным Камнем. Разве что он как-то учел ее устойчивость против сил Пути и Логруса в их попытках вернуть талисман. Впрочем, в подобных делах я был совершенно некомпетентен. Встретив наконец миниа-тюрного мага, я начал убеждаться в его здравомыслии, хотя это чувство было бесполезно для постижения загадочных свойств, что несли в себе древние мудрецы.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я Корэл.

– Очень странно, – ответила она. – Не больно – совершенно не больно. Скорее ощущение контакта, как через карту. Только Камень со мной постоянно, и я никуда не собираюсь и ни с кем не говорю. Я будто стою в неких воротах. Силы движутся вокруг меня, сквозь меня...

На мгновение я оказался в центре некоего серого кольца с колесом со множеством спиц красноватого металла. Отсюда, изнутри, оно походило на огромную паутину. Мое внимание привлекла яркая, пульсирующая жила. Да, это была линия, связывающая с чудовищной могущественной силой в отдаленной Тени, той силой, что можно было использовать для прощупывания. Со всей осторожностью я простер ее в направлении Судного Камня в глазнице Корэл.

Немедленного сопротивления не последовало. Протянув силовую линию, я ничего, в общем, не почувствовал. Тем не менее передо мной предстал образ огненной завесы. Продравшись сквозь пламенеющее покрывало, я ощутил, как затрудняется продвижение моего запроса – медленнее, медленнее, стоп. И здесь я парил на краю пустоты. Насколько я понимал, это не было похоже на метод настройки, однако я не хотел призывать Путь, пока использовал другие силы. Я пробился вперед и ощутил ужасающий холод, гасящий вызванную мною энергию.

Все же энергия выкачивалась не из меня лично, а только из одной из подчиненных мне сил. Я простер ее дальше и узрел слабое сияние, будто некую отдаленную туманность на темном, винно-красном фоне. Еще ближе, и смутно знакомое пятно приобрело очертания – неоднородность, трехмерность; судя по описанию моего отца, ему следовало располагаться именно тем мостом, что вел к гармонии с Камнем. Да, все в порядке, я внутри Камня. Проходить ли мне посвящение?

– Дальше нельзя, – разнесся незнакомый голос, хотя я и признавал его принадлежность Корэл. Похоже, она впадала в транс. – Тебе запрещено высшее посвящение.

Я потянул на себя шуп, не желая испортить тот Путь, который проложил. Логруское зрение, сопутствующее мне постоянно после недавних событий в Амбере, донесло образ Корэл, окутанной и пронизанной высшей версией Пути.

– Почему? – осведомился я.

Мне не дано было ответа.

Корэл слегка вздрогнула, встряхнулась и уставилась на меня.

– Что случилось? – спросила она.

– Ты задремала. Ничего удивительного. Такое серьезное вмешательство Дворкина, да еще дневные потрясения.

Корэл зевнула и рухнула на кровать.

– Да, – вздохнула она и заснула по-настоящему.

Я стащил с себя сапоги и сбросил отяжелевшие одежды. Потом растянулся рядом с ней и накрыл нас одеялом. Я тоже устал и просто хотел обнять кого-то.

Не знаю, как долго я спал. Меня мучили темные, головокружительные видения. Лики – людей, животных, демонов – проносились передо мной, и ни у одного не было нормального, жизнерадостного выражения. Дремучие леса валило на землю и охватывало пламенем, земля тряслась и раскалывалась, морские воды вздымались гигантскими волнами и набрасывались на сушу, луна истекала кровью и исходила великими рыданиями.

Кто-то выкликал мое имя.

Ужасающий ветер с грохотом сотрясал ставни, пока наконец, хлопая и стуча, те не вломились вовнутрь. Затем в моем видении возникла некая тварь: припав к изножью кровати, та

тихо звала меня, снова и снова. Комната ходила ходуном, а сознание мое вернулось в Калифорнию. Казалось, происходит землетрясение. Ветер крепчал – от визга к реву, и я слышал грохот снаружи, будто валились деревья и падали башни.

– Мерлин, принц Хаоса, восстань! – взывала тварь. Затем она скрежетала клыками и начинала опять.

При четвертой или пятой попытке она пихнула меня так, что это уже не казалось сном. Откуда-то снаружи донесся пронзительный вой, равномерно вспыхивающие молнии перемежались почти мелодичными раскатами грома.

Еще не шевельнувшись, не открыв глаза, я ощутил действительность. Звуки были реальны, так же как и сломанный ставень. И как существо в ногах кровати.

– Мерлин, Мерлин! Восстань, принц дома Савалла! – обращалось оно ко мне. Длиннорылое, остроухое, клыкастое и когтистое, с зеленой, отливающей серебром рожей, огромными и блестящими глазами и влажными перепончатыми крыльями, сложенными вдоль тощих боков. Что до выражения рыла, я не был уверен, скривила его улыбка или гримаса боли. – Пробудись, повелитель Хаоса!

– Грилл, – произнес я имя старого семейного слуги из Владений.

– Воистину, повелитель, – последовал ответ. – Тот самый, что учил тебя игре с пляшущими костями.

– Будь я проклят!

– Делу время – потехе час, повелитель. Ведомый черной нитью, я проделал долгий и мерзкий путь, дабы воззвать к тебе.

– Так далеко нити не простираются, – усомнился я, – без колоссального толчка. А может, и с ним. Или теперь уже простираются?

– Теперь это проще.

– Как так?

– Его Величество Свейвил, король Хаоса, почил ночью с праотцами Тьмы. Я был послан, дабы доставить тебя на церемонию.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

– Что ж, хорошо. Разумеется. Дай только собраться. Как же все это случилось?

– Я не посвящен в детали. Разумеется, ни для кого не секрет, что со здоровьем у него было неважно.

– Я хочу оставить записку.

Грилл кивнул:

– Короткую, надеюсь?

– Да.

Взяв клочок пергамента с письменного стола, я поспешно нацарапал: «Корэл, вызван по семейным делам. Дам о себе знать» – и положил листок возле ее руки.

– Все в порядке, – сказал я. – И как же мы поступим?

– Я перенесу тебя на спине, принц Мерлин, как делал давным-давно.

Я кивнул, поток воспоминаний детства захлестнул меня. Грилл, как и большинство демонов, был невероятно силен. В моей памяти воскресли наши игры у кромки Преисподней и по всей Тьме: в склепах, пещерах, на задымленных полях сражений, в разрушенных храмах, в покоях мертвых чародеев, в тайных вертепах... Мне всегда казалось, что играть с демонами куда веселее, чем с родственниками и свойственниками моей матери. Даже свое основное обличье для Хаоса я создал по одному из демонических типов.

Впитав в себя кресло, что стояло в углу комнаты, Грилл увеличил свою массу и изменил очертания, дабы вместить меня, взрослого. Когда я, крепко цепляясь, взбирался на его вытянувшийся торс, он воскликнул:

– Ах, Мерлин! Что за магия при тебе в эти дни?

– Я контролирую ее, но не до конца понимаю сущность, – ответил я. – Это совсем недавнее приобретение. Что ты ощущаешь?

– Жар, холод, странную музыку, – был его ответ. – Со всех сторон... Ты изменился.

– Все меняются, – сказал я, в то время как Грилл двигался к окну. – Такова жизнь.

Темная нить лежала на широком подоконнике. Демон вцепился в нее и вознесся в воздух. Ужасающей силы ветер встретил нас, когда мы рухнули вниз, затем выровнялись. Мелькнули, качаясь, башни дворца. На небосводе сияли звезды, уже взошел месяц, расцветив утробы низко лежащих облаков. Мы стремительно набирали высоту, замок и город в мгновение ока стали едва-едва видны. Звезды плясали, обращаясь в мелькающие световые штрихи. А нас окружала расширяющаяся полоса струящегося непроглядного мрака. Черная Дорога, внезапно подумал я, некий временный небесный вариант Черной Дороги.

Я оглянулся. Позади ничего не оставалось. Будто дорога прямо за нами скатывалась в моток. Или обвивалась вокруг нас?

Внизу проносился, как в ускоренном кино, сельский пейзаж. Мелькали лес, холм, вершина горы. Впереди огромной тесьмой расстился наш черный путь, пятна света и тьмы скользили мимо, подобно теням облаков в солнечный день.

Затем темп возрос – судорожно, стаккато. Неожиданно я заметил, что более нет никакого ветра. Высоко над головою внезапно возникла луна, а под нами извивалась горная гряда. Полная тишина создавала иллюзию сновидения, и луна вдруг упала ниже. Луч света расколол мир справа от меня, стали гаснуть звезды. В теле Грилла не ощущалось никакого напряжения, пока мы мчались по этому черному пути; и луна исчезла, и вдоль линии облаков разгорался маслянистый свет, приобретающий, пока я смотрел на него, розоватый оттенок.

– Мощь Хаоса растет, – заметил я.

– Энергия беспорядка, – ответил мой спутник.

– Это говорит о большем, чем ты мне рассказывал.

– Я лишь слуга, – отозвался Грилл, – и не вхож в совет высших.

Мир вокруг продолжал светлеть, а впереди, насколько было видно, струилась черная лента. Мы парили высоко над горами. Облака по бокам рассеивались, и моментально рождались новые. Мы явно вступили в Царство Теней.

Через какое-то время горы сгладились, и теперь мимо нас проносились холмистые равнины. Вдруг в центре небосвода воссияло солнце. Мы по-прежнему шли над Черной Дорогой. Грилл едва касался ее кончиками пальцев. Временами его крылья тяжело взмахивали передо мной, а так лишь слегка, почти незаметно трепетали, невидимые, словно у колибри.

Далеко слева от меня солнце наливалось вишнево-красным. Внизу стелилась розоватая пустыня...

Затем снова сгустилась тьма, и звезды понеслись в карусели, будто гигантское колесо.

Потом мы опустились и летели, почти касаясь верхушек деревьев...

И наконец, ворвались в густую атмосферу, царившую над шумной центральной улицей города; огни фонарей, фары автомобилей, неоновые витрины. Теплый, душный, пыльный, дымный запах окутал нас. Несколько прохожих главели вверх, будто заметив наш перелет.

Как раз когда мы промчались через реку и неслись над крышами предместий, вся перспектива вокруг взволновалась, и теперь мы оставляли за собой первобытный пейзаж: нагромождение скал, лавы движущихся масс и содрогающейся земли; два действующих вулкана – один рядом, другой в отдалении – извергали дым в сине-зеленое небо.

– Это, как я понимаю, короткий путь? – осведомился я.

– Кратчайший, – последовал ответ.

Мы вступили в долгую ночь. В какой-то момент показалось, будто наша дорога пролегает под толщей вод: вокруг сияющие твари морские, парящие и мечущиеся, вблизи и на расстоянии. Но черный путь, сухой и несминаемый, хранил нас.

– Это столь же великий разрыв, как смерть Оберона, – высказался Грилл. – Его следствия струятся по всему Царству Теней.

– Но смерть Оберона совпала с воссозданием Пути, – сказал я. – Дело скорее в этом, чем в смерти властителя одного из пределов.

– Верно, – ответил Грилл, – но сейчас равновесие сил нарушено. Это умножит воздействия, и будет еще тяжелей.

Мы погрузились в просвет в толщах темного камня. Позади беспорядочно мелькали полосы света. Позже – не знаю, вскоре ли – нас вознесло в багряное небо, причем, насколько я могу судить, не поднимая с темного дна морского. Далеко-далеко мерцала единственная звезда. Мы неслись по направлению к ней.

– Почему? – спросил я.

– Потому что Путь становится сильнее Логруса, – сказал Грилл.

– Как же это произошло?

– Принц Корвин начертал второй Путь во время раздоров между Владениями и Амбером.

– Да, он говорил мне об этом. Я даже сам видел этот Путь. Отец боялся, что Оберон не сумеет восстановить оригинал.

– Но он сделал это, и, таким образом, их теперь два.

– Неужели?

– Путь твоего отца – также порождение порядка. Вековечный баланс сил склонен в сторону Амбера.

– Как же ты оказался осведомлен в этом, когда никто там, в Амбере, ничего, похоже, не знает или не считает возможным рассказать мне?

– Твой брат, принц Мэндор, и принцесса Фиона подозревали это и искали доказательства. Свои выводы они представили твоему дяде, лорду Сухаю. Тот совершил несколько обходов Царства Теней и стал убеждаться, что дело обстоит именно так. Он обобщил свои выводы, дабы представить их королю, когда Свейвил уже пребывал на пороге смерти. Мне известно все это, ибо именно Сухай послал меня за тобой и возложил на меня обязанность рассказать тебе обо всем.

– А я был почти уверен, что тебя послала моя мать.

– Сухай не сомневался, что она так и сделает, именно поэтому он захотел перехватить тебя раньше. Все, что я рассказал о Пути твоего отца, пока еще не общеизвестно.

– И что же я должен делать?

– Лорд Сухай не обременил меня такой информацией.

Звезда разгоралась. Небеса наполнились оранжевыми и розовыми сполохами. Вскоре линии зеленого света соединили их, и вокруг нас закружил сияющий водоворот.

Мы все мчались, и эти блики постепенно заполнили все небо, будто над нами раскрылся некий медленно вращающийся психоделический зонтик. Окружающее пространство сливалось в одно сплошное пятно. Я чувствовал себя так, будто заснул какой-то частью разума, хотя уверен, что сознания не терял. Время, похоже, играло нешуточные игры с моим обменом веществ. Невероятный голод овладел мною, глаза болели.

Звезда становилась все ярче. Крылья Грилла излучали призматическое мерцание. Казалось, мы движемся гигантскими шагами. Наша путеводная нить выгибалась, края постепенно поднимались. Все выше и выше, наконец стало казаться, будто мы скользим в желобе.

А потом края сомкнулись над нами – мы мчались в ружейном дуле, нацеленном в голубовато-белую звезду.

– Есть ли еще что-то, что ты должен поведать мне?

– Нет, насколько мне известно.

Я потерял свое левое запястье, чувствуя, что чему-то там надлежит пульсировать. Ах да, Фракир!.. Кстати, где Фракир? Я вспомнил, что оставил ее в апартаментах Брэнда. Зачем я сделал это? Я... Сознание мое туманилось, воспоминания походили на сон.

Впервые с того происшествия я напряг свою память. Сделай я это раньше, скорей бы узнал, что это значит. То было призрачное влияние чар. Под действием заклинания я вернулся в покои Брэнда. У меня не было возможности узнать, заготовлено ли заклинание специально для меня или я ткнулся туда случайно. Я понимал, что это могло оказаться чем-то более общим, возможно, даже неожиданным побочным эффектом каких-то растрепанных процессов. Однако в последнем я сомневался.

Собственно говоря, в этом деле я сомневался во всем. Слишком уж все было правильно для безадресной ловушки, подстроенной Брэндом. Этому надлежало сбить с толку опытного чародея, то есть меня. Пожалуй, только нынешняя удаленность от того места, где все это случилось, помогла освежить мою память. Как только я осознал свои поступки с момента начала действия Сил, я наконец увидел, что продвигаюсь с тех пор словно в каком-то тумане. И чем глубже я погружался в себя, тем яснее ощущал, что заклятие было скроено, дабы окутать именно меня. Не поняв его сути, я не вправе считать себя свободным, даже зная о его существовании.

Чем бы оно ни было, оно заставило меня отказаться от Фракир. Отказаться, дважды не задумавшись; а еще оно заставляло чувствовать себя... ну... странно. Я не мог точно сказать, как способна воздействовать эта Сила, постоянно ли она влияет на мои мысли и чувства, – обычный удел попавшего под заклятие. И я не понимал, неужели покойный Брэнд мог учесть такую непредсказуемую случайность: что мои комнаты окажутся рядом с его покоем – годы спустя после его смерти! А потом еще меня подтолкнул войти туда в обстановке невероятного противостояния между Логрусом и Путем в верхнем зале Янтарного замка!..

Нет, похоже, за этим должен стоять кто-то еще. Джарт? Джулия? Кажется слишком вероятным, чтобы они могли скрытно действовать в самом сердце Амбера. Кто еще? И могло это как-то воздействовать на происшествие в Зеркальном зале?

Я терпел неудачу за неудачей. Вернись я сейчас туда, то смог бы силой собственных чар отыскать виновника. Но я не там, и с любым расследованием на том краю существования придется подождать.

Теперь свет впереди сиял еще ярче, переливаясь от небесно-голубого к зловеще-багровому.

– Грилл, – окликнул я своего спутника, – ты обнаружил чары, довлеющие надо мной?

– Истинно, мой повелитель.

– Почему же ты никак не упомянул о них?

– Я полагал, что они из числа твоих собственных... для защиты, к примеру.

– Способен ли ты рассеять эти чары? Здесь, во внутреннем пространстве, я нахожусь в невыгодном положении.

– Слишком уж они переплетены с твоей личностью. Не представляю, с чего начать.

– Можешь поведать мне что-нибудь о них?

– Только то, что они есть, мой повелитель. Пожалуй, кажутся несколько плотнее вокруг головы.

– Способны они окрасить определенным образом мои мысли?

– О да, бледно-голубым.

– Я имел в виду не твою манеру восприятия, а всего лишь способность этих сил воздействовать на мое мышление.

Его крылья вспыхнули голубым, затем красным. Наш туннель вдруг раскрылся, и небо вспыхнуло безумными красками Хаоса. А путеводная звезда стала небольшим фонарем,

пылавшим так ярко силою волшебства; фонарь светил с высокой башни мрачного серого замка, стоящего на вершине горы без подножия и склонов. Каменный остров парил над оцепеневшим лесом. Деревья пылали матовыми огнями – оранжевыми, багряными, зелеными.

– Полагаю, что клубок чар можно распутать, – заметил Грилл, – но боюсь, эта работа не по зубам бедному демону.

Я хмыкнул. Полюбовался несколько мгновений мельтешащим пейзажем. Затем произнес:

– Что касается демонов...

– Да?

– Расскажи мне о тех, кои известны как ти'ига.

– Они обитают далеко за пределами Края, – отозвался Грилл, – и, быть может, ближе всех существ к первозданному Хаосу. Я не верю даже, что их тела действительно состоят из плоти и крови или хотя бы материальны. Они имеют мало общего с прочими демонами и более чем кто-либо желают остаться в одиночестве.

– Не знаешь ли кого-то из них... э-э... лично?

– Я сталкивался с некоторыми... время от времени, – последовал ответ.

Мы поднялись выше. Замок поступил так же. Позади него поток метеоритов проложил себе пылающий путь, яркий и бесшумный.

– Ти'ига способны вселиться в человеческое тело, подчинив его своему контролю, – сказал я.

– Это меня не удивляет.

– Я знаю одного демона, который несколько раз проделывал такой фокус. Но тут возникает необычная проблема. Он получил контроль над человеком, находящимся при смерти. Но, похоже, смерть человека запирает ти'ига в захваченном теле. И теперь демон не в силах его покинуть. Как ты думаешь, можно ли ему как-то освободиться?

Грилл хмыкнул:

– Спрыгнуть со скалы, я полагаю. Или броситься на меч.

– Но если ти'ига теперь так тесно связан со своим призраком, что это не освободит его?

Он снова хмыкнул:

– Явное нарушение правил игры в похищении тел.

– Я в долгу перед одним таким демоном, – признался я, – и хочу помочь ей... ему.

Грилл помолчал какое-то время, затем откликнулся:

– Более умудренная опытом ти'ига, наверное, может как-то разобраться во всем этом. И тебе известно, где их искать.

– Да.

– Прости, я мало что знаю еще. Ти'ига – древнее племя.

И вот мы устремились прямо к башне. Наш путь под непрестанно меняющимся калейдоскопом съезжился до узкой борозды.

Я опустил глаза. Панорама внизу бешено крутилась. Откуда-то нарастал шум, будто сама земля раскалывалась на медленно трущиеся друг о друга части – достаточно обычное явление в этих краях. Ветры трепали мою одежду. Слева от меня небо расцветила нить мандариновых облаков. Уже различались мельчайшие выступы замковых стен.

Взгляд мой уловил фигуру в освещенном окне. Все ближе, ближе, через окно – и мы внутри.

Большая, сгорбленная, серо-алая демоническая сущность, рогатая и наполовину покрытая чешуей, обнажив страшные клыки, уставилась на меня эллиптическими зрачками желтых глаз.

– Дядя! – крикнул я, спешившись. – Приветствую!

Грилл выпрямился и встряхнулся, когда Сухай шагнул вперед и заключил меня в объятия – с чрезвычайной, впрочем, осторожностью.

– Мерлин, – наконец вымолвил он. – Добро пожаловать домой. Я рад тебе, хотя скорблю о причине. Грилл сообщил?..

– О кончине Его Величества? Да, мне очень жаль.

Дядюшка выпустил меня из своих объятий и отступил на шаг.

– Не то чтобы это было неожиданным, – промолвил он. – Как раз наоборот. Воистину, ждали давно. И все же... Слишком неподходящее время для такого события.

– Действительно, – отозвался я, массируя несколько онемевшую левую лопатку и ощупывая боковой карман в поисках гребня. – Он хворал так долго, что я как-то с этим свыкся. Он как будто почти примирился со своей немощью.

Сухай кивнул. А затем спросил:

– Собираешься перевоплощаться?

– День был тяжелый, я бы поберег свои силы, если только нет каких-то требований протокола.

– Пока и вовсе никаких. Ты ел?

– Не то чтобы недавно.

– Тогда пойдем, – сказал он, – поищем тебе какую-нибудь снедь.

Сухай повернулся и прошел сквозь заднюю стену. Я последовал за ним. В комнате не было дверей, и он должен был знать все здешние места напряжения Тени; в этом отношении Владения Хаоса являли собой полную противоположность Амберу. Если пройти сквозь Тень в Амбере – дело ужасно трудное, то во Владениях Тени будто истертые занавески – часто можно просто смотреть сквозь них в другую реальность даже без особого напряжения. А иногда оказывается, что нечто из другой реальности разглядывает вас. Проходя сквозь Тень, следует соблюдать предельную осторожность, дабы не оказаться между небом и землей, или под водой, или на пути разбушевавшегося потока. В этом смысле Владения никак нельзя назвать туристической жемчужиной.

К счастью, вещество Тени весьма податливо в этом пределе реальности и поддается управлению мастера, который способен просто сшить края, дабы проложить Путь. Мастера Теней – настоящие кудесники столь могущественного в этих краях искусства; их способность исходит от Логруса, хотя они и не нуждаются в посвящении. Они – избранные из избранных, пусть даже все посвященные автоматически становятся членами Гильдии Мастеров Тени. Они будто водопроводчики или электрики Владений, а их искусство варьируется в той же степени, как и у их аналогов на Теневой Земле – сочетание одаренности и опыта. Хотя я и член Гильдии, но предпочту следовать за тем, кто знает пути, нежели прокладывать их самому. Полагаю, я смог бы еще немало добавить к этому. Возможно, когда-нибудь так и поступлю.

Когда мы подошли вплотную к стене, ее, разумеется, там не было. Была некая туманность – сгущающаяся, а потом постепенно рассеивающаяся; мы прошли сквозь пространства и стали спускаться по зеленой лестнице. Правда, это не была собственно лестница. Скорее ряд ничем не связанных между собою зеленых дисков, нисходящих спиралью в присущем нормальной лестнице порядке, спиралью, парящей в ночном воздухе. Диски огибали фасад замка и заканчивались перед глухой стеной.

Прежде чем достичь этой стены, мы в какой-то момент были ослеплены ярким дневным светом, потом на нас обрушилась пелена голубого снега, и вдруг мы оказались в некоем подобию собора, только без алтаря и со скелетами, заполнившими скамьи. Когда же мы в конце концов добрались до стены и прошли сквозь нее, то попали в огромную кухню. Сухай подвел меня к кладовой и предложил распорядиться здесь самому. Я обнаружил холодное мясо и хлеб и, соорудив себе сандвич, принялся за еду, запивая хлеб тепловатым пивом. Мой спутник лишь

притронулся к хлебу и кувшину с тем же пойлом. Под потолком, хрипло каркнув, мелькнула птица и исчезла, не успев перелететь комнату.

– Где слуги? – осведомился я.

– Грядет красное небо, уже почти полный оборот, а пока никого нет, – отозвался он. – Итак, у тебя есть возможность поспать и сосредоточиться перед дальнейшим... Может быть.

– Что значит «может быть»?

– Как один из трех, ты под черным надзором. Именно по этой причине я и вызвал тебя сюда, в одно из моих уединенных владений.

Дядя повернулся и прошел сквозь стену. Я последовал за ним, все еще держа в руке кувшин, и мы уселись близ неподвижного зеленого пруда, у скалы под янтарным небом. Его замок вмещал в себя уголки со всего Хаоса и Царства Теней, связанные воедино безумно скроенным узором путей внутри путей.

– С тех пор как ты носишь спикард, ты увеличил средства своей безопасности, – заметил Сухай.

Он протянул руку и коснулся колеса со множеством спиц на моем кольце. Касание легкой дрожью отдалось в пальце, кисти, во всей руке.

– Дядя, когда ты был моим учителем, то частенько говорил загадками, – начал я. – Теперь мое образование закончилось, и позволь мне сказать, что я ни черта не понимаю, о чем ты толкуешь.

Он фыркнул и хлебнул из кувшина.

– Отраженное разумом, все всегда становилось ясным.

– Отраженное... – повторил я и посмотрел в зеркало пруда.

На глубине, промеж черных полос, плавали образы: Свейвил, покоящийся на погребальном ложе, желтые и черные мантии окутывали его усохшую фигуру; моя мать, мой отец, демонические формы, все усопшие и увядшие, Джарт, я сам, Джасра и Джулия, Рэндом и Фиона, Мэндор и Дворкин, Билл Рот и еще множество незнакомых мне лиц...

Я покачал головой:

– Отражение ясности не вносит.

– Ты слишком торопишься, – молвил дядя.

И я вновь погрузился в хаос лиц и фигур.

Вот возник Джарт и остался надолго. Как всегда, одет он был с изумительным вкусом и выглядел сравнительно неповрежденным. Когда он наконец расплылся, то уступил место одному из тех полужнакомых лиц, что встречались мне раньше. Какой-то вельможа из Владений. Я напряг свою память... Ну конечно! Не сразу, но я узнал его – Тмер из Дома Джезби, старший сын покойного принца Роловианса, а ныне и сам лорд пределов Джезби: окладистая борода, тяжелое чело; из тех, кто неладно скроен, да крепко сшит и при этом не лишен привлекательности, по слухам, храбрец и, возможно, даже чувствительный малый.

Затем возник принц Таббл из пределов Чаникута, попеременно то в человеческом, то в демоническом обличье. Спокойный, тяжеловесный, изысканный, проживший века и очень пронизательный; с лица, обрамленного аккуратной бородой, глядели широко раскрытые, невинные, тусклые глаза. Принц знал толк во многих играх.

Я ждал, и Таббл последовал за Джартом, за Тмером в небытие извивающихся полос. Я подождал еще, но больше ничего не появилось.

– Конец отражений, – в конце концов объявил я. – И я по-прежнему не понимаю, что все это значит.

– Что ты видел?

– Моего брата Джарта и Тмера, принца Джезби. А еще Таббла Чаникутского, среди прочих прелестей.

– Именно, – заключил дядя. – Именно то, что нужно.

– И что же?

– Подобно тебе, оба они – и Тмер, и Таббл – под черным надзором. Я полагаю, что Тмер в Джебзи, а вот Джарт скрывается где-то, но не в Далгарри.

– Джарт вернулся?

Сухай кивнул.

– Он мог бы быть в материнской крепости Ганту, – размышлял я. – А еще у Саваллов есть второе имение – пределы Анча, у самого Края.

Дядюшка пожал плечами:

– Я не знаю.

– Но для чего черный надзор – на каждом из нас?

– Ты ушел в Тень, в отличный университет, а потом обитал в Амбере, который я полагаю высшей школой. Следовательно, постарайся сам пораскинуть мозгами. Нет сомнения, что разум, столь тщательно отточенный...

– Я сознаю: черный надзор означает, что мы встретились с какого-то рода опасностью...

– Разумеется.

– ... но природа ее ускользает от меня. Если только...

– Да.

– Это связано со смертью Свейвила. А посему должно подразумевать некие политические расчеты. Но меня здесь не было. Я не знаю, что тут у вас сейчас происходит.

Сухай показал мне истертые, но все еще опасные клыки.

– Поразмысли о преемственности, – сказал он.

– Ладно. Допустим, пределы Савалла поддерживают одного возможного наследника, Чаникут – другого, Джебзи – третьего. Допустим, мы в этом деле друг у друга поперек горла. Допустим, я вернулся как раз в разгар кровавых разборок. Итак, кто бы ни отдавал сейчас приказы, он объявил нас под надзором, дабы оградить от неприятностей. Ценю.

– Тепло, – кивнул дядя, – но все зашло гораздо дальше.

Я покачал головой:

– Сдаюсь.

Откуда-то донесся завывающий вопль.

– Подумай об этом, – отозвался мой дядя, – пока я приветствую гостя.

Он поднялся и, ступив в пруд, сразу исчез. Я допил пиво.

Глава 2

Через мгновение скала слева от меня замерцала и зазвенела, будто колокол. Сам того не сознавая, я сосредоточил внимание на своем кольце, которое Сухай назвал спикардом. И тотчас сообразил, что могу использовать его для защиты. Удивительно, каким родным казалось мне кольцо, насколько я к нему приспособился за столь короткое время.

Я стоял, протянув руку к камню, когда Сухай вышел из мерцающей поверхности; за ним – некто повыше и потемнее. Еще момент, и фигура последовала за дядей, обретая реальность и перевоплощаясь: осьминогоподобная обезьяна принимала форму моего брата Мэндора, очеловечиваясь, облачаясь в черное, как тогда, когда я видел его в последний раз, только одежды были новые и слегка иного покроя, а белые волосы менее взъерошены.

Мэндор быстро ощупал глазами окружающее пространство и одарил меня улыбкой.

– Вижу, что все в порядке, – заявил он.

Я фыркнул, кивая на его перевязанную руку, и отозвался:

– Как и следовало ожидать. Что произошло в Амбере с тех пор, как я покинул его?

– Никаких новых бедствий. Я оставался там лишь столько, чтобы увидеть, могу ли чем-нибудь помочь. Пришлось провести небольшую магическую чистку местности, а также собрать доски, дабы заколотить норы. Затем я попросил у Рэндома разрешения удалиться, он удовлетворил мою просьбу, и я поспешил домой.

– Бедствие? В Амбере? – спросил Сухай.

Я кивнул:

– В залах Янтарного дворца произошло сражение между Единорогом и Змеем, следствием чего явились значительные разрушения.

– Что могло заставить Змея проникнуть так далеко в Царство Порядка?

– Дело в том, что Амбер заинтересовался так называемым Судным Камнем, который Змей считает своим утерянным глазом.

– Я должен услышать всю историю.

Я принялся рассказывать дяде о невообразимой битве, опустив мои дальнейшие похождения в Зеркальном Коридоре и в апартаментах Брэнда. Все время моего рассказа взор Мэндора блуждал со спикарда на Сухая и обратно.

Обнаружив, что я заметил это, он улыбнулся.

– Итак, Дворкин снова пришел в себя?.. – задумчиво произнес Сухай.

– Я не был знаком с ним раньше, – ответил я, – но, похоже, он понимает, что к чему.

– И королева Кашфы взирает оком Змея?

– Не знаю, видит ли она им. Пока она лишь оправляется после операции. Но это интересная мысль. Что она сможет узреть, если будет видеть им?

– Чистые, холодные линии вечности, полагаю. Под тяжестью всей Тени. Никто из смертных не сможет носить его слишком долго.

– Но в ней кровь Амбера, – сказал я.

– Действительно! Оберона?

Я кивнул.

– Твой покойный сеньор был весьма темпераментным мужчиной, – заметил дядюшка. – Тем не менее это достаточная нагрузка на зрение, хотя я могу лишь предполагать... ну и какие-то знания основ. Не имею представления, что может из этого выйти. Лишь Дворкин способен сказать – если он в здравом рассудке. Я признаю его мастерство, хотя никогда не знал, чего от него ожидать.

– Ты знаешь его лично? – спросил я.

– Я знал его, – ответил Сухай, – давным-давно, до всех его бед. Радоваться этому или отчаиваться? Оправившись, он мог бы принести великую пользу. А затем снова погрузиться в свои безумные идеи.

– Сожалею, что не могу просветить тебя, – сказал я. – Мне его действия тоже кажутся совершенно непредсказуемыми.

– И я сбит с толку, узнав о местонахождении этого Глаза, – вступил в разговор Мэндор. – Но все это выглядит куда большим, нежели частный вопрос отношений Амбера с Кашфой и Бегмой. Не думаю, что размышления способны продвинуть нас в этом деле. Лучше сосредоточить внимание на здешних проблемах.

Я услышал свой собственный вздох.

– Таких, как право наследования?

Мэндор насмешливо поднял бровь.

– О, лорд Сухай уже просветил тебя?

– Нет, – ответил я. – Нет, но от своего отца я слышал так много о борьбе за трон Амбера – заговоры, интриги и хитрости, – что почти реально ощущаю, как довлеет эта тема над каждым разговором. Полагаю, среди членов Дома Свейвила, где замешано куда больше родов, все пойдет тем же путем.

– Ты правильно мыслишь, – согласился Мэндор, – хотя я думаю, что здесь картина могла быть более упорядочена.

– Что ж, это уже кое-что, – сказал я. – Что касается меня, я собираюсь лишь отдать дань уважения и убраться ко всем чертям. Пришлите мне открытку, когда все разрешится.

Он рассмеялся. Он редко смеялся. Я ощутил покалывание в запястье, там, где обычно сидела Фракир.

– Он действительно не знает, – заключил Мэндор, бросая взгляд на Сухая.

– Он только что прибыл, – ответил Сухай. – У меня не было времени ввести его в курс дела.

Я пошарил в кармане, нащупал монету и подкинул ее.

– Решка, – возвестил я, взглянув на ладонь. – Рассказывать тебе, Мэндор. Что происходит?

– Ты не главный претендент на престол, – сказал он.

Пришла моя очередь смеяться. Что я и сделал.

– Это мне уже известно. Не так давно ты говорил за обедом, как велика очередь передо мной... если кто-то вообще примет во внимание мою смешанную кровь.

– Двое, – сказал он. – Двое предшествуют тебе.

– Не понимаю, – произнес я. – Что случилось с остальными?

– Умерли.

– Что, эпидемия гриппа?

Мэндор одарил меня гнусной ухмылкой.

– Следствие прокатившейся в последнее время беспрецедентной волны роковых дуэлей и вероломных политических убийств.

– И что же преобладало?

– Предательские убийства.

– Очаровательно.

– Итак, вас трое под опекой черного надзора Короны, и каждый из вас взят под охрану секретных служб своих Домов.

– Ты, похоже, не шутишь.

– Ничуть.

– Было ли это внезапное истощение рядов вызвано желанием множества людей одновременно достичь успеха? Или кто-то очищает себе путь?

- Короне точно не известно.
- Кого именно в данный момент ты подразумеваешь под словом «Корона»? Кто сейчас принимает решения?
- Лорд Бэнсез, – ответил Мэндор, – дальний родственник и давний друг нашего усопшего монарха.
- Вроде припоминаю его. А не может оказаться так, что он сам положил глаз на трон или же стоит за одним из претендентов?
- Этот человек – жрец Змея. Обеты жрецов запрещают им стоять у власти.
- Обычно существуют способы обойти обеты.
- Верно, но лорд Бэнсез кажется искренне не заинтересованным в чем-то подобном.
- Это не делает его беспристрастным. Возможно, у него есть фаворит, и он хочет помочь ему. Есть вблизи трона кто-нибудь питающий особое пристрастие к его ордену?
- Нет, насколько мне известно.
- Это не означает, что кто-то не смог подрезать карту.
- Да, хотя Бэнсез не из тех, к кому легко подступиться с подобным предложением.
- Иными словами, ты веришь, что он останется беспристрастным, что бы ни происходило?
- Пока не будет доказательств противоположного.
- Кто ближайший претендент?
- Таббл Чаникутский.
- Кто второй?
- Тмер из Джебзи.
- Верхушка очереди из твоего пруда, – сказал я Сухаяю.
- Он вновь показал мне зубы.
- Существует у нас кровная месть с Чаникутом или Джебзи? – спросил я.
- Ничего серьезного.
- Что ж, тогда о нас просто заботятся, так?
- Да.
- И как же до этого дошло? Помнится, претендентов была куча. Свершилась ночь длинных ножей или еще что?
- Нет, они умирали периодически, время от времени. Никакого внезапного побоища, когда стал угасать Свейвил.
- Ладно, наверняка проводилось какое-то расследование. Кто-то из виновников попал под стражу?
- Нет, все они сбежали или были убиты.
- И что с теми, кто был убит? Опознав их, можно определить, к чему они стремились.
- На самом деле нет. Некоторые оказались профессионалами, среди остальных – парочка обычных мятежников, несомненно, из умственно неполноценных.
- Ты хочешь сказать, что не существует никаких догадок, кто за всем этим стоит?
- Именно так.
- И никаких подозрений?
- Сам Таббл, разумеется, не вызывает доверия, хотя вслух об этом лучше не говорить. Он получил наибольшую выгоду, и пока все случившееся в его интересах. И еще: много в его карьере политического потворства, двурушничества, клеветы. Но все это было давно. У кого в погребке не завалялось несколько скелетов? Уже много лет Таббл добропорядочный и консервативный господин.
- Ладно, теперь Тмер. Он достаточно скрытен и может вызвать подозрения. Есть что-нибудь, связывающее его с этим кровавым делом?

– Ничего конкретного. В прошлом Тмер никогда не был связан с такими крайностями. Я не считаю его верхом совершенства, но он представляется мне более простым, непосредственным существом, нежели Таббл. Он, похоже, из тех, кто скорее решится на переворот, если уж возжаждет трона, нежели станет добиваться короны путем долгих интриг.

– Возможно, в дело вовлечен целый ряд лиц, каждое из которых действует в собственных интересах.

– И теперь, когда развязка близка, они все выплывут на поверхность?

– Почему бы и нет?

Улыбка. Пожатие плечами.

– Увы, вряд ли коронация положит всему этому конец, – сказал Мэндор. – Корона не защищает от кинжала.

– Но наследник входит во власть, обремененный всей тяжестью своих грехов.

– Это не первый случай в истории. И, раз уж ты заговорил об этом, некоторые превосходные монархи стали таковыми, имея далеко не безоблачное прошлое. Между прочим, тебе не приходит в голову, что прочие могут предположить то же самое относительно тебя?

– Да, и это мне неприятно. Мой отец долгое время добивался трона Амбера – и долгое время мучился. Он стал счастлив только тогда, когда послал все к черту. Уж если меня чему-то научила его история, так именно этому. У меня нет подобных амбиций.

И все же на мгновение меня охватило любопытство. Что за чувства испытываешь, управляя огромным государством? Каждый раз, возмущаясь действиями политиков – здесь ли, в Амбере, или на Теневой Земле, – я представлял себе свои действия, окажись я в их шкуре.

– Действительно интересно, – угадал мои мысли Мэндор.

– Возможно, остальные как раз сейчас смотрят в свои магические пруды, – заметил я, – надеясь увидеть там ключи к разгадке.

– Несомненно, – откликнулся он. – А что, если Таббл и Тмер вдруг найдут свой безвременный конец? Что ты будешь делать?

– Даже не думай об этом, – сказал я. – Такого не случится.

– И все же предположим.

– Я не знаю.

– Ты в самом деле должен принять какое-то решение, просто чтобы не ломать голову в дальнейшем. И, надеюсь, нехватка слов не мешает тебе выразить его.

– Спасибо. Учту.

– Расскажи мне поподробнее о том, что случилось с тобой после нашей последней встречи.

Я и рассказал – о призраках Пути и обо всем.

Где-то ближе к концу моего повествования вновь послышался вой. Сухай направился к скале.

– Извините, – сказал он.

Скала расступилась, и дядя вошел внутрь.

Немедленно я ощутил на себе отяжелевший взгляд Мэндора.

– Возможно, у нас есть всего мгновение. Слишком мало, чтобы сообщить все, что должно остаться между нами.

– Очень личное, так?

– Да. Поэтому ты должен найти время перед погребением, чтобы пообедать со мной. Допустим, в четвертом цикле голубого неба.

– Прекрасно. Твой дворец или пределы Савалла?

– Жду тебя в пределах Мэндора.

Я кивнул.

Скала вновь подвинулась, и перед нами в облачной дымке предстала мерцающая голубым гибкая демоническая фигура. Я мгновенно вскочил и склонился, чтобы поцеловать протянутую ею руку.

– Мама! Не ожидал такой радости... столь скоро.

Она улыбнулась, а затем ее оболочка растворилась в вихре. Чешуя поблекла, контуры лица и тела поплыли. Синева стала обычным, хотя и бледным телесным цветом. Ее бедра и плечи раздались, в то время как она теряла в росте, хотя по-прежнему оставалась высокой. Карие глаза стали куда привлекательней, когда стерлись тяжелые надбровные складки. Несколько веснушек проступило на ее теперь человеческом, слегка вздернутом носу. Каштановые волосы удлиннились с тех пор, как я в последний раз видел ее в таком обличье. И она по-прежнему улыбалась. Ей очень шла простая красная туника; у левого бедра висела рапира.

– Дорогой Мерлин, – промолвила мама, беря мою голову обеими руками и целуя меня в губы. – Я рада видеть тебя столь прекрасно выглядящим. Много воды утекло с тех пор, как ты посетил нас в последний раз.

– Последнее время я вел очень бурную жизнь.

– Можно не сомневаться. Я кое-что слышала о твоих злоключениях.

– Представлю, что там до тебя дошло. Не у каждого есть ти'ига, следующая за ним по пятам, время от времени соблазняющая его в разных обличьях и, как правило, своими нежелательными попытками защитить делающую жизнь невероятно сложной.

– Это показывает мою заботу, дорогой.

– Это также показывает полное отсутствие уважения к моей личной жизни и к моему мнению.

Мэндор деликатно кашлянул.

– Привет, Дара.

– Полагаю, что именно так тебе и должно казаться, – заявила она. – Привет, Мэндор. Что случилось с твоей рукой?

– Недоразумение, касающееся некоей архитектуры, – отвечал он. – Тебя какое-то время не было видно, хотя в мыслях моих мы не расстаемся.

– Если это комплимент, спасибо, – сказала она. – Да, я то и дело уединяюсь, когда общество начинает давить невыносимо. Но тебе ли удивляться – человеку, надолго исчезающему в пределах Мэндора. Если ты действительно пропадаешь именно там.

Он согнулся в поклоне.

– По вашим словам, леди, мы одного поля ягоды.

Ее глаза сощурились, хотя голос не изменился, когда она произнесла:

– Не знаю. Да, в нас есть определенное родство. Мы оба отсутствовали в последнее время, не так ли?

– Но я был неосторожен, – сказал Мэндор, указывая на свою поврежденную руку. – Ты же, ясное дело, нет.

– Я никогда не спорю с архитектурой, – сказала она.

– А с невесомостями?

– Предпочитаю работать с тем, что стоит на месте.

– Обычно я тоже.

– А если не получается?

Он пожал плечами:

– Время от времени возникают коллизии.

– В свое время ты пережил многие, не так ли?

– Не могу отрицать; с другой стороны, нынешняя длилась слишком долго. Но ты и сама вроде не лыком шита.

– Пока жива, – отозвалась мама. – Мы действительно должны сравнить наши комментарии к невесомостям и столкновениям. Не будет ли странным, если мы окажемся подобны во всех отношениях?

– Был бы весьма удивлен, – ответил Мэндор.

Я был заморожен и слегка напуган этой беседой, хотя доверялся лишь ощущениям и не имел понятия о сути разговора. Они были чем-то похожи, и я никогда не слышал общих мест, произносимых столь метко и выразительно, помимо Амбера, где часто развлекались словесными играми подобного рода.

– Простите меня, – наконец словно опомнился Мэндор и обратился ко всей компании: – Я должен удалиться, дабы восстановить свои силы. Благодарю вас за гостеприимство, сэр, – поклонился он Сухаю. – И за удовольствие оттого, что дорожки наши пересеклись. – Это Даре.

– Ты только что прибыл, – сказал Сухай, – и даже не отдохнул. Как хозяина ты выставляешь меня не в лучшем свете.

– Еще как отдохнул, – возразил Мэндор. – Никто не смог бы предложить подобной трансформации. – Поворачиваясь к открывающемуся пути, он посмотрел на меня: – До скорого.

И исчез. Скала отвердела с его исчезновением.

– Удивляют его манеры, – произнесла моя мать. – Причем явно без репетиции.

– Само изящество, – прокомментировал Сухай. – Ему многое было дано от рождения.

– Любопытно, кто умрет сегодня, – сказала мать.

– Не уверен, что в его словах был скрытый смысл, – ответил дядюшка.

Она засмеялась:

– Но если все же так, они, несомненно, испустят дух в самом хорошем вкусе.

– Говоришь осуждая или завидуя?

– Ни так, ни так, – ответила она. – Я и сама восхищаюсь изяществом и хорошей шуткой.

– Мама, – вмешался я, – что все же происходит?

– О чем ты, Мерлин? – откликнулась она.

– Я давным-давно покинул эти места. Ты велела демону найти и оберегать меня. Скорее всего он засек кровь Амбера, но возникла определенная неразбериха между мною и Люком. Демон решил взять под опеку нас обоих, пока Люк не начал свои регулярные попытки прикончить меня. Затем он, а точнее, она защищала меня от Люка и пыталась определить, кто из нас более подходящая партия. Она даже жила с Люком какое-то время, а позже преследовала меня. Кое о чем я стал догадываться – не зря она страстно желала узнать имя моей матери. Несомненно, Люк держал язык за зубами по поводу своего происхождения.

Мать рассмеялась:

– Прекрасная картина! Малютка Джасра и принц Тьмы...

– Не пытайся сменить тему разговора. Подумай, насколько это стесняет взрослого человека: мать посылает демонов надзирать за ним.

– Единственного. Дорогой, я послала лишь одного демона.

– Какая разница? Как тебе в голову пришла подобная забота? Я возмущен...

– Ти'ига, возможно, не один раз спасла тебе жизнь, Мерлин.

– Пусть так. Но...

– По-твоему, лучше смерть, чем защита? И только потому, что защита исходит от меня?

– Суть не в этом!

– Тогда в чем?

– Похоже, ты вполне допускаешь, будто я не способен о себе позаботиться, и...

– Да ты и не смог.

– Но тебе-то откуда знать? К моему возмущению, ты с самого начала исходила из того, что я недалекий, доверчивый, беззащитный, что в Тенях я нуждаюсь в опеке!

– Извини, если задену за больное, однако скажу, что таким ты и был, причем собираясь в место, столь сильно отличающееся от Владений Хаоса, каким является Тень.

– Да я сам могу о себе позаботиться!

– Ты не слишком преуспел в этом. Хотя делаешь ряд необоснованных предположений. Что заставляет тебя думать, будто приведенные тобой резоны единственно возможны в моем стремлении действовать подобным образом?

– Прекрасно. Скажи, ведь ты знала, что Люк будет пытаться убить меня каждое тридцатое апреля? И если да, то почему просто не сообщила мне?

– Я понятия не имела, что Люк будет пытаться убить тебя каждое тридцатое апреля.

Я отвернулся. Сжал кулаки и разжал их.

– Так какого черта ты обеспечила меня защитой?

– Мерлин, почему так трудно допустить, что другие люди могут знать что-то, чего не знаешь ты?

– Начни с их нежелания сообщить мне это «что-то».

Мать помолчала какое-то время. Затем ответила:

– Боюсь, в твоих словах есть доля истины. Но были серьезные причины не посвящать тебя в определенные дела.

– Тогда начни с этого. Расскажи, почему не доверяла мне.

– Дело не в доверии.

– Так можешь ты теперь объяснить мне, в чем дело?

И опять последовала долгая пауза.

– Нет, – наконец сказала она. – Еще нет.

Я повернулся к ней, сохраняя спокойствие, и, не повышая голос, произнес:

– Выходит, ничего не изменилось. И никогда не изменится. Ты по-прежнему мне не доверяешь.

– Неправда, – ответила мать, бросая взгляд на Сухая. – Это означает лишь то, что сейчас неподходящее время и неподходящее место, чтобы влезать в эти дела.

– Позволь принести тебе выпить или чего-нибудь из еды, Дара, – немедленно предложил Сухай.

– Благодарю тебя, нет, – отказалась она. – Мне пора идти.

– Мама, расскажи хотя бы что-нибудь о ти'иге.

– Что ты желаешь знать?

– Ты выколдовала ее откуда-то из-за Края?

– Верно.

– Подобные существа сами бестелесны, но способны для своих собственных целей занимать тела живущих?

– Да.

– Если ти'ига занимает тело существа, близкого к смерти, то тем самым оживляет его дух и контролирует разум?

– Интересно. Вопрос риторический?

– Нет. Такое действительно произошло с тем, кого ты послала по мою душу. Теперь ти'ига не в состоянии покинуть то тело. Почему?

– Я не уверена.

– Она в западне, – предположил Сухай. – Бродить туда-сюда она может, лишь воздействуя на функционирующий интеллект.

– Тело, контролируемое ти'игой, оправилось от болезни, что убило сознание, – сказал я. – Ты полагаешь, что она зависла там теперь на всю жизнь?

– Да. Насколько я понимаю.

– Тогда скажи мне вот что: освободится она, когда то тело умрет, или погибнет вместе с ним?

– Может произойти по-разному. Но чем дольше она будет оставаться в теле, тем более вероятно ей погибнуть вместе с оболочкой.

Я оглянулся на мать:

– И хорошо, верно?

Она пожала плечами:

– С этим демоном я обманулась. Но коли возникнет нужда, всегда можно вызвать на замену другого.

– Не делай этого, – попросил я.

– И не собираюсь. Нет необходимости.

– Но если ты сама решишь, что необходимость есть?..

– Мать склонна ценить безопасность своего сына, нравится это сыну или нет.

Я поднял левую руку, гневно вытянув указательный палец, и в этот момент заметил на запястье блестящий браслет – он выглядел почти голографическим изображением витого шнура. Я опустил руку, сдержал свой первый порыв и произнес:

– Теперь ты знаешь мои чувства.

– Я давным-давно их знаю, – ответила мать. – Давай пообедаем в пределах Савалла через пол-оборота, в пурпурное небо, договорились?

– Договорились, – кивнул я.

– До скорого. Счастливого оборота, Сухай.

– Счастливого оборота, Дара.

Она сделала три шага и скрылась в полном соответствии с этикетом, тем же путем, что пришла.

Я повернул и шагнул к краю пруда, уставился в глубину вод, ощущая, как медленно расслабляются плечевые мышцы. Теперь там были Джасра и Джулия, снова в Страже Четырех Миров, совершающие нечто тайное в лаборатории. А затем над ними взметнулись полосы, какая-то безжалостная истинность, возвышающаяся над порядком и красотой, начала превращать женщин в существа завораживающих и путающих очертаний.

Я ощутил руку на своем плече.

– Семья, – сказал Сухай. – Козни, сводящие с ума. Ты сейчас переживаешь тиранию любви, не так ли?

Я кивнул:

– Марк Твен что-то говорил о возможности выбирать себе друзей, но не родственников.

– Я не знаю, что они затевают, – произнес Сухай. – Сейчас ничего не остается делать, как отдыхать и ждать. Я был бы рад услышать твою историю во всех подробностях.

– Спасибо, дядя.

Что ж, почему бы и нет? И я поведал ему все до конца. По ходу рассказа мы прерывались, дабы снова подкрепиться на кухне, затем проследовали на балкон, парящий над океаном известкового цвета, что бился о розовые скалы под тускло-синим беззвездным небом. Здесь я закончил свой рассказ.

– Это более чем интересно, – в конце концов произнес Сухай.

– Ты увидел что-то большее, то, чего не заметил я?

– Здесь столько поводов для размышлений, что я опасаюсь судить поспешно, – отвечал дядя. – Давай пока оставим это.

– Прекрасно.

Я облокотился о перила, глядя в пучину.

– Тебе необходим отдых, – заметил Сухай, помолчав.

– Догадываюсь.

– Пойдем, я покажу твою комнату.

Он протянул руку, и я взял ее. Мы вместе погрузились в пол.

Я спал в окружении гобеленов и портьер, в палате без дверей, в пределах Сухая. Возможно, комната располагалась в башне, так как я слышал за стенами завывания ветров. Был сон, и было видение...

Я снова оказался в замке Амбера и шел извивающейся лентой Зеркального Коридора. Тонкие восковые свечи мерцали в высоких шандалах. Шаги мои были бесшумны. Меня окружали зеркала всех стилей и форм. Большие, маленькие, они покрывали стены по обе стороны. Я следовал мимо себя, бредущего в их глубинах, отраженный, искаженный, временами отраженный в отражениях.

И застыл перед треснутым, оправленным в олово зеркалом, что возвышалось слева от меня. Уже поворачиваясь к нему, я знал, что отражение не мое.

Да, я не ошибся. Из зеркала на меня смотрела Корэл. Одета в персиковую блузу, она была без повязки на глазу. Трещина в зеркале делила ее лицо пополам. Левый глаз Корэл был зеленым, каким я его запомнил, правый... В правом сидел Судный Камень. И оба смотрели на меня.

– Мерлин, – сказала она. – Помоги мне. Это так необычно. Верни мне мой глаз.

– Я не знаю как. Не понимаю, как это было сделано.

– Мой глаз, – продолжала Корэл, будто не слышала ответа. – В Оке Камня весь мир – кишащие силы, холодный... такой холодный!.. и нигде нет покоя. Помоги мне!

– Я найду способ, – пообещал я.

– Мой глаз... – повторяла она.

Я поспешил дальше. Из прямоугольного зеркала в деревянной раме с резным фениксом в основании меня разглядывал Люк.

– Эй, старина! – Он выглядел несколько жалким. – Я чертовски хочу вернуть папин меч. Ты не видел его снова?

– Боюсь, нет, – пробормотал я.

– Какая досада, что я так недолго обладал твоим подарком. Высмотришь его, а? У меня такое чувство, что он может прийти к стати.

– Постараюсь, – сказал я.

– В конце концов, ты в какой-то степени отвечаешь за то, что произошло...

– Верно, – согласился я.

– ...и я чертовски хочу получить его обратно.

– Да, – сказал я и двинулся дальше.

Отвратительное хихиканье донеслось справа, из эллипса в бордовой раме. Повернувшись, я узнал лицо Виктора Мелмана, колдуна из Теневой Земли, с которым столкнулся, когда начались мои неприятности.

– Адово племя! – прошипел он. – Прямо-таки радость видеть тебя блуждающим в потемках чистилища. Пусть кровь моя горит на твоих ладонях.

– Твоя кровь – на твоих собственных руках, – парировал я. – Полагаю тебя самоубийцей.

– Не так! – резко оборвал он. – Ты подлецим образом прикончил меня.

– Бред собачий! Во многом можно меня обвинить, но не в твоей смерти.

Я было двинулся дальше, но его рука вытянулась из зеркала и вцепилась в мое плечо.

– Убийца! – закричал он.

– Проваливай. – Я стряхнул его руку и продолжил свой путь.

Затем слева, из широкого зеркала в зеленой раме, покрытого зеленоватой патиной, меня окликнул укоризненно качающий головой Рэндом.

– Мерлин! Мерлин! Что это ты там замышляешь? – вопрошал он. – Какое-то время я был уверен, что ты держишь меня в курсе событий.

– Конечно, – ответил я, разглядывая его оранжевую футболку и джинсы «Ливайс», – это правда, сэр. Просто не хватило времени для некоторых вещей.

– Для тех, что касаются безопасности государства, – для них у тебя не хватило времени?

– Ну, полагаю, об этом можно судить по-разному.

– Если дело касается нашей безопасности, я – тот, кто вершит суд.

– Да, сэр. Я сознаю, что...

– Мы должны поговорить, Мерлин. Верно ли, что ты лично замешан во всем этом?

– Полагаю...

– Не имеет значения. Королевство куда важнее. Нам следует поговорить.

– Да, сэр. Мы поговорим, как только...

– К дьяволу «как только»! Прекрати ходить вокруг да около и тащи сюда свою задницу!

– Да, как только...

– Чтобы я этого больше не слышал! Это граничит с предательством, если ты скрываешь важную информацию! Мне необходимо видеть тебя немедленно! Возвращайся домой!

– Слушаюсь, – сказал я и поспешил прочь. Голос Рэндома смешался с неумолкающим хором других, выкликающих свои требования, свои мольбы, свои обвинения.

Из следующего зеркала – круглого, в синей плетеной раме – на меня взидала Джулия.

– А вот и ты, – сказала она почти с томлением. – Ты знаешь, я любила тебя.

– Я тоже любил тебя, – признался я. – Понадобилось немало времени, чтобы понять это. Хотя, думаю, я все испортил.

– Ты недостаточно любил меня. Недостаточно, чтобы довериться мне. И потерял мое доверие.

Я отвел взгляд.

– Прости.

– Этого мало, – произнесла Джулия. – Итак, мы стали врагами.

– Совсем необязательно.

– Слишком поздно, – вздыхала она, – слишком поздно.

– Прости, – повторил я и заспешил дальше.

И вот я подошел к Джасре в красной алмазной раме. Ее рука с ярко накрашенными ногтями потянулась ко мне и погладила мою щеку.

– Куда-то идешь, миленький?

– Надеюсь, что так, – сказал я.

Она криво усмехнулась и поджала губы.

– Я решила, что ты дурно влияешь на моего сына. Спевшись с тобой, он лишился твердости...

– Мне очень жаль.

– ... и это может сделать его не способным править.

– Не способным или не желающим? – переспросил я.

– Так или иначе, виноват ты.

– Он уже большой, Джасра, и способен сам принимать решения.

– Боюсь, что ты научил его принимать неправильные решения.

– Не обвиняй меня, если он делает то, что тебе не по душе.

– А если Кашфа погибнет – потому что из-за тебя он стал мямлей?

– Я отклоняю свою кандидатуру, – сказал я, делая шаг вперед.

И хорошо, что отошел, ибо рука Джасры вытянулась, ногти мелькнули у моего лица, едва не оцарапав. Она осыпала меня вслед проклятиями. К счастью, их заглушили прочие вопли.

– Мерлин?

Снова повернувшись направо, я узрел лицо Найды в серебряном зеркале, чья поверхность и витая рама состояли из единого слитка.

– Найда! Тебе-то что от меня нужно?

– Ничего, – ответила леди ти'ига. – Просто мне нелегко, и я нуждаюсь в совете.

– Ты не испытываешь ненависти ко мне? Какая приятная неожиданность.

– Ненавидеть тебя? Не глупи. Никогда бы не смогла.

– У всех остальных в этой галерее я, похоже, вызываю раздражение.

– Это лишь сон, Мерлин. А ты реален, и я реальна, и нам дела нет до остальных.

– Извини, что моя мать наложила на тебя заклятие оберегать меня... все эти годы. Ты действительно свободна теперь? Если нет, возможно, я смогу...

– Я свободна.

– Мне жаль, что у тебя возникли такие ужасные трудности. Не зная, я это или Люк, ты была обязана быть настороже. Кто мог предположить, что два жителя Амбера окажутся соседями в Беркли.

– Я не жалею.

– Что ты имеешь в виду?

– Я пришла за советом. Я хочу знать, как можно найти Люка.

– Как же, в Кашфе. Он как раз недавно был коронован. Зачем он тебе нужен?

– Ты не догадываешься?

– Нет.

– Я влюблена в него. Всегда была. Теперь, когда я свободна и у меня есть собственное тело, я хочу, чтобы он знал, что это я была Гейл, а еще – что я чувствую. Спасибо, Мерлин. До свидания.

– Подожди!

– Да?

– Я никогда не благодарил тебя за то, что ты опекала меня все эти годы, пусть даже по принуждению, пусть это и приносило мне изрядные неудобства. Спасибо и – счастливо тебе.

Она улыбнулась и исчезла. Я протянул руку и дотронулся до зеркала.

– Удачи, – казалось, донеслось мне в ответ.

Странно. Это ведь сон. И в то же время я чувствовал, что это реально. Я...

– Ты вернулся во Владения в разгар интриг, как я понимаю, – раздался голос из узкого, окантованного черным зеркалом в трех шагах впереди.

Я приблизился. Мой брат Джарт пожирал меня глазами.

– Чего ты хочешь? – спросил я.

Его лицо было злой карикатурой на мое собственное.

– Чтобы тебя никогда не было. За невозможностью этого я был бы рад видеть тебя мертвым.

– Каков же третий вариант?

– Заточение в личной преисподней, полагаю.

– Почему?

– Ты стоишь между мною и тем, чего я добиваюсь.

– Буду рад посторониться. Скажи мне только как.

– Нет такого пути, чтобы ты смог или захотел по собственной воле.

– Поэтому ты ненавидишь меня?

– Да.

– Боюсь, что купание в Фонтане расстроило твои чувства.

– Я не прошел полного курса, и чувства мои лишь обострились.

– Можем мы как-то забыть прошлое и начать все сначала, стать друзьями?

– Никогда.

– Не думал, что так получится.
– Она всегда больше пеклась о тебе, чем обо мне, а сейчас ты собираешься занять трон.
– Это вздор! Я не желаю трона.
– В этом деле твои желания ничего не значат.
– Я не займу трон.
– Нет, займешь – если только я сперва не убью тебя.
– Не будь кретином. Игра не стоит свеч.
– Скоро наступит день, когда ты меньше всего будешь ожидать этого, и вдруг повернешься и увидишь меня... Слишком поздно!

Зеркало совершенно почернело.

– Джарт!

Ничего.

Терпеть его во сне так же тяжело, как наяву. Я повернул голову туда, где в нескольких шагах слева от меня сияло зеркало в пламенеющей раме. Каким-то образом я знал, что оно – следующее на моем пути, и направился туда.

Фиона улыбалась.

– Ну вот, ты его и нашел...
– Тетушка, что происходит?
– Кажется, происходит конфликт того рода, что обычно характеризуют как «не поддающийся упрощению», – ответила она.

– Я рассчитывал на другой ответ.

– Слишком уж все завертелось, чтобы объяснить лучше.

– И ты часть этого?

– Очень небольшая. Не из тех, кто именно сейчас может принести тебе пользу.

– Что мне делать?

– Изучай варианты и выбирай лучший.

– Лучший для кого? И для чего?

– Только ты сможешь ответить.

– Хоть намекни.

– Ты сумел пройти Путь Корвина, когда я взяла тебя туда?

– Да.

– Я не сомневалась. Он был начертан при неожиданных обстоятельствах и никогда не сможет быть воспроизведен. Наш Путь никогда бы не допустил его создания, не будь он сам поврежден и слишком слаб, чтобы предотвратить возникновение Пути Корвина.

– Ну?

– Наш Путь старается впитать тот, поглотить его. Если это удастся, то последствия для Амбера будут губительными, как военные разрушения. Равновесие с Хаосом полностью нарушится.

– Разве Хаос недостаточно силен, чтобы воспрепятствовать этому? Я думал, они одинаково могущественны.

– Так и было, пока ты не восстановил Теневой Путь и Путь Амбера смог впитать его. Это сделало его неизмеримо сильнее. Теперь он способен добраться до Пути твоего отца, преодолев сопротивление Логруса.

– Я не понимаю, что же делать?

– Я тоже. Но требую от тебя помнить то, что я сказала. Когда придет время, ты должен принять решение. Не знаю какое, но это будет чрезвычайно важно.

– Она права, – раздался голос за моей спиной.

Повернувшись, я увидел отца внутри сияющей черной рамы с серебряной розой наверху.

– Корвин! – услышал я оклик Фионы. – Где ты?

– В месте, где отсутствует свет, – ответил он.

– Я думал, ты где-то в Амбере, отец, с Дейдрде, – сказал я.

– Призраки играют в призраки, – ответил он. – У меня больше нет времени, силы на исходе. Могу сказать тебе только одно: не доверяй ни Пути, ни Логрусу, ни кому-то из их отродья, пока все не разрешится.

Он начал исчезать.

– Как я могу помочь тебе? – спросил я.

– ...во Владениях, – донеслось до меня перед тем, как он пропал окончательно.

Я снова повернулся.

– Фи, что он имел в виду?

Она нахмурила брови.

– У меня такое ощущение, что ответ лежит где-то во Владениях, – медленно проговорила тетушка.

– Где? Где следует искать?

Она покачала головой и, отворачиваясь, сказала:

– Кто может знать лучше?

Потом она тоже скрылась.

Голоса по-прежнему зывали ко мне – спереди, сзади. Слышались плач и смех, и повторялось мое имя. Я бросился вперед.

– Что бы ни случилось, – говорил Билл Рот, – если тебе понадобится хороший законник, я с этим управлюсь – даже во Владениях Хаоса.

Затем появился Дворкин, поглядывающий на меня из крошечного зеркала в витой раме.

– Нет повода для беспокойства, – заметил он. – Только вот тебя опутывают всяческие невесомости...

– Что же мне делать? – вскричал я.

– Ты должен стать чем-то большим, нежели ты есть.

– Не понимаю.

– Сбеги из клетки своей жизни.

– Какой клетки?

Он сгинул.

Я несся вперед, а вокруг меня звенели слова. Ближе к концу зала висело зеркало, подобное куску желтого шелка, натянутого на раму. Оттуда мне ухмыльнулся Чеширский Кот.

– Все это чепуха. Черт с ними со всеми! – говорил он. – Сходим-ка в кабаре, старина. Опрокинем по нескольку стаканчиков, людей послушаем...

– Нет! – закричал я. – Нет!

А затем от Кота осталась только ухмылка.

И тут я тоже стал исчезать. Милосердное черное забвение да ветер, завывающий где-то там далеко-далеко.

Глава 3

Не знаю, как долго я спал. Разбужен я был Сухаем, повторяющим мое имя.

– Мерлин, Мерлин, – говорил он. – Небо – белое...

– А меня ждет трудный день, – продолжил я. – Знаю. Ночь у меня тоже была трудная.

– Значит, они достали тебя.

– Кто?

– Маленькие чары от меня – дабы слегка просветить твой разум. Я решил, что склонить тебя к ответам изнутри лучше, чем нагружать своими догадками и подозрениями.

– Я снова был в Зеркальном Коридоре.

– Не представлял, какую форму может принять видение.

– Это было реально?

– Вполне возможно в нынешней ситуации.

– Что ж, благодарю... я догадывался. Помнится, Грилл говорил что-то о твоём желании увидеть меня раньше матери.

– Мне было интересно, много ли ты знаешь. Хотел защитить твою свободу выбора.

– О чем ты говоришь?

– Уверен, что она жаждет видеть тебя на троне.

Я приподнялся, потер глаза и сказал:

– Полагаю, это вполне возможно.

– Не знаю, насколько далеко простирается ее желание довести дело до конца. Я хотел дать тебе возможность осознать свое собственное мнение перед тем, как стать посвященным в ее планы. Не желаешь ли чаю?

– Да, спасибо.

Я принял предложенную кружку и поднес к губам.

– Что еще можешь сказать, помимо предположений о ее намерениях?

Дядя покачал головой.

– Не знаю, насколько активна программа Дары, если ты это имеешь в виду. Но она ли связана с этим или кто другой, заклятие, что ты нес на себе, ныне исчезло.

– Твоя работа?

Он кивнул. Я сделал еще глоток.

– Никогда не предполагал, что окажусь так близко к голове очереди претендентов на престол. Джарт пока четвертый или пятый, не так ли?

Сухай кивнул.

– Чувствую, денек будет очень трудный, – промолвил я.

– Допивай свой чай, – обратился он ко мне, – и, когда закончишь, следуй за мной.

Дядя ушел через гобелен с драконом в дальнем углу комнаты. Когда я снова поднял кружку, светящийся браслет отделился от руки и воспарил передо мной, теряя свои плетеные очертания и становясь кругом чистого света. Он застыл над дымящейся кружкой, будто наслаждаясь коричневым ароматом.

– Привет, Призрак, – сказал я. – Зачем на этот раз ты сковал мою руку?

– Чтобы прикинуться веревкой, которую ты обычно носишь, – последовал ответ. – Я думал, тебе понравится.

– Я имел в виду: что ты делал все это время?

– Только слушал, папочка. Гадал, чем бы тебе помочь. Все эти – они действительно твои родственники?

– Те, с которыми мы до сих пор встречались, – да.

– Есть ли необходимость вернуться в Амбер и навешать там на них собак?

– Нет, здесь, во Владениях, это тоже действует. – Я сделал еще глоток. – Ты имеешь в виду каких-то особых собак? Или так, вообще?

– Я не доверяю ни твоей матери, ни твоему брату Мэндору, хоть они мои бабка и дядя. Я думаю, они что-то против тебя замышляют...

– Мэндор всегда был добр ко мне.

– ...а твой дядя Сухай кажется замечательно целеустремленным, но во многом напоминает Дворкина. Мог бы он затеять внутреннюю смуту, а сам приготовиться смыться в любой момент?

– Надеюсь, что нет. За ним никогда такого не водилось.

– О-хо-хо, так то, когда все на месте, а сейчас время потрясений.

– Все-таки где ты набрался этой вульгарной психологии?

– Штудировал великих психологов Теневой Земли. Это часть моих непрерывных попыток постичь человеческую натуру. Полагаю, то было время, когда я больше всего понял о сторонах иррационального.

– Ну хорошо, чем же могли быть вызваны происходящие события?

– В Камне я фактически повстречался с копией Пути высшего порядка. Там возможны такие аспекты, которых я просто не мог понять. Это привело меня к рассмотрению теории Хаоса, затем к Меннингеру и всем прочим, дабы рассмотреть проявления иррационального в сознании.

– И каковы результаты?

– Я стал мудрее.

– Я имею в виду – касательно Пути.

– Ах да. Либо он сам обладает элементом иррационального, подобно живым существам, либо является интеллектом такого порядка, что какие-то из протекающих в нем процессов только кажутся иррациональными низшим существам. Любое объяснение подкрепляется тем же результатом, полученным практическим наблюдением.

– Мне никогда не выпадал удобный случай применить некоторые из тестов, мною задуманных. Скажи, пожалуйста, исходя из внутреннего опыта: не подпадаешь ли ты сам под подобную категорию?

– Я? Иррационален? Такая постановка вопроса мне в голову не приходила. Не вижу, как это возможно.

Я допил чай и свесил ноги с кровати.

– Вот жалость! Думаю, некая мера иррационального и делает нас истинными людьми. Да еще то, что мы сознаем это, разумеется.

– Неужели?

Я встал и принялся одеваться.

– Да, и управляя этим в себе, можно совладать с разумом и чувствами.

– Я собираюсь пристально изучить твою идею.

– Давай, – сказал я, натягивая сапоги, – и поведай мне о свершенных открытиях.

Я продолжал одеваться, когда Призрак спросил:

– Ты собираешься завтракать со своим братом Мэндором, когда небо станет синим?

– Да.

– А позже приглашен на обед к своей матери?

– Точно.

– Еще позже присутствуешь на похоронах почившего монарха?

– Буду и там.

– Нуждаешься в моей защите?

– Я под охраной моих родичей, Призрак. Хоть ты и не доверяешь им.

– Последнее погребение, на котором ты присутствовал, бомбили.

– Верно. Но то был Люк, а он дал зарок. Не беспокойся, со мной все будет в порядке... Хочешь осмотреть достопримечательности, иди вперед.

– Прекрасно, – сказал он. – Так и сделаю.

Я встал, пересек комнату и остановился у дракона.

– Можешь указать мне дорогу к Логрусу? – спросил Призрак.

– Ты шутишь?

– Нет, – заявил он. – Я знаю Путь, но никогда не видел Логрус. Где его держат?

– Мне казалось, что я даровал тебе лучшие способности памяти, нежели ты обнаруживаешь. Во время твоей последней стычки с данным объектом ты хорошенько его обделал.

– Полагаю, так оно и было. Как ты думаешь, он не держит зла?

– По первому размышлению – держит. Еще подумав – тем более. Держись от Логруса подальше.

– Да ты же как раз советовал мне исследовать движущую силу Хаоса, иррациональное...

– Но не советовал тебе кончать самоубийством. Я вложил в тебя массу труда.

– Я и сам себя ценю. Ты знаешь, я имею склонность к выживанию, как и органические особи.

– Любопытное суждение.

– Тебе многое известно о моих способностях.

– Действительно, ты хорош попадать из огня да в полымя.

– А ты задолжал мне за приличное обучение.

– Ладно, посмотрим.

– Все это увертки. Думаю, и сам справлюсь.

– Отлично. Двигай.

– Так трудно показать?

– Ты же отказался от всеведения, помнишь?

– Папаша, я считаю, что должен видеть Логрус!

– У меня нет времени представлять его тебе.

– Только укажи дорогу. Спрятаться я сумею.

– Что ж, получай. Прекрасно. Сухай – хранитель Логруса. Логрус лежит где-то в пещере.

Единственный известный мне путь начинается здесь.

– Где?

– Здесь есть что-то такое, содержащее девять поворотов. Я дам тебе путеводную нить.

– Не уверен, что твои заклинания действуют на существа, мне подобные.

Я протянул руку сквозь кольцо – виноват, спикард, – наложил ряд черных звездочек на карту пути, которым должен следовать Призрак, повесил ее перед ним в пространстве моего логрусского зрения и сказал:

– Сотворил тебя, сотворил и заветное.

– Угу, – отозвался Призрак. – Я чувствую, будто достиг уровня, куда доступа не имел.

– Все будет тебе дано в надлежащее время. Стань подобен кольцу на моем указательном пальце. Мы разом оставим эту комнату и проскочим остальные. Когда будем неподалеку от нужного пути, я обозначу его указателями. Следуй в том направлении, и ты проникнешь сквозь нечто на своем пути, что и приведет тебя в иное пространство. Где-то там обнаружишь черную звезду, обозначающую путь к следующему пространству, к следующей звезде и так далее. В конце концов окажешься в пещере, где обитает Логрус. Схоронись понадежней и приступай к своим наблюдениям. Когда пожелаешь удалиться, сделай все в обратном порядке.

Призрак съехал и подлетел к моему пальцу.

– Отыщи меня потом и дай знать о твоих приключениях.

– Я так и собирался, – донесся тоненький голосок. – Не хотелось бы усугублять твою вероятную паранойю.

– Продолжай в том же духе, – сказал я, входя в дракона.

Я оказался в маленькой гостиной, одно окно которой выходило на горы, другое – в пустыню. В комнате никого не было, и я вышел в длинный коридор. Да, все именно так, как мне помнилось.

Я зашагал по коридору, миновав несколько комнат, пока не дошел до двери слева, которую и открыл, дабы обнаружить целую коллекцию, состоящую из метел, щеток, швабр, ведер, горы половых тряпок и тазик. Да, все так...

Я указал на полки справа:

– Ищи черную звезду.

– Ты серьезно? – пропищал голосок.

– Иди и смотри.

Луч света протянулся от моего указательного пальца; достигнув полка, искривился, сжался в нить, столь тонкую, что теперь ее не было видно.

– Счастливо, – вздохнул я и отвернулся.

Я затворил дверь, по-прежнему сомневаясь в правильности своего поступка и утешая себя лишь мыслью, что Призрак все равно отправился бы на поиски и, несомненно, в итоге обнаружил бы Логрус. Чему быть, того не миновать. А мне весьма интересно, что он там раз-узнает.

Я проследовал обратно в маленькую гостиную. Не исключено, что в последний раз мне выдается возможность побыть какое-то время в одиночестве, и я решил потратить его с пользой. Я уселся на грудку подушек и вытащил карты. Быстро перебрав колоду, остановился на карте, где поспешно набросал Корэл в тот недавний лихорадочный день в Амбере. Я изучал ее черты, пока карта не похолодела.

Изображение обретало трехмерность, а затем я вдруг увидел себя: мы с Корэл ярким днем гуляем по улицам Амбера, вокруг кипит торговля. А вот мы спускаемся по склону Колвира, перед нами сияет море, в небе кружат чайки. Затем кафе, стол, парящий у стены...

Я накрыл карту ладонью.

Корэл спала, это был ее сон. Как странно, перебирая карты, застать другого спящим. Еще удивительней обнаружить в том видении самого себя, если только, разумеется, прикосновение моего разума не возбудило неосознанные воспоминания... Одна из маленьких жизненных головоломок. Негоже будить бедняжку только для того, чтобы узнать, как она поживает. Для этого можно вызвать и Люка.

Я начал было искать его карту, но заколебался. Он наверняка изрядно занят в свои первые дни на посту монарха. А мне и так уже известно, что Корэл отдыхает. И лишь повертев в руках карту Люка, я отпихнул ее в сторону, обнаружив под ней следующую.

Серое, серебряное и черное... Его лицо являло собой постаревший и несколько более энергичный вариант моего собственного. Корвин, мой отец, оглядывался на меня. Как много раз я потел над этой картой, пытаюсь достать его, пока ум не заходил за разум, – и все безрезультатно! Прочие объясняли мне, что это значит лишь одно из двух: он либо мертв, либо блокирует всякий контакт.

Но затем мною овладело странное чувство. Я припомнил его собственные истории, в частности, когда он рассказывал о том, как пытался достать Брэнда через карту, но сначала не смог этого добиться из-за отдаленности той Тени, где был заточен Брэнд. Вспомнил я и попытки отца проникнуть во Владения, и трудности, вызванные огромным расстоянием. Возможно ли, что мои усилия не давали результата не потому, что он умер или блокирует контакт, а из-за колоссального расстояния, разделяющего нас?

Но тогда кто пришел ко мне на помощь той ночью в Царстве Теней, кто перенес меня в необычное место меж Тенями навстречу странным приключениям, что выпали мне там? И

хотя я был совсем не уверен в природе явления отца в Зеркальном Коридоре, но ведь позже я наткнулся на явные знаки его присутствия в самом замке Амбера. Если он побывал в каком-то из этих мест, то, очевидно, вряд ли находится слишком далеко. Следовательно, отец просто блокирует меня, и очередная попытка скорее всего в очередной раз докажет бесполезность данного предприятия. Хотя, если существуют какие-то другие объяснения, и...

Мне показалось, что карта стала холодеть под пальцами. Было это лишь игрой воображения, или сила моего взгляда пробудила карту? Мысленно я подался вперед, сосредоточиваясь. И казалось, в ответ на мои усилия она становится еще холоднее.

– Папа? – произнес я. – Корвин?

Еще холоднее, и покалывание в подушечках пальцев, касавшихся карты. Это напоминало начало контакта. Возможно, он гораздо ближе к Владениям, нежели к Амберу, и находится сейчас в зоне досягаемости...

– Корвин, – повторил я, – это я, Мерлин. Привет.

Его изображение изменилось, будто двинулось. А затем карта совершенно почернела. Тем не менее она оставалась холодной, и возникло ощущение молчаливого контакта, словно в телефонном разговоре возникла пауза.

– Папа? Ты там?

Черная поверхность приобрела глубину. В глубине что-то шевельнулось...

– Мерлин? – Слово прозвучало неясно, хотя я был уверен, что это его голос выговаривает мое имя. – Мерлин?

Движение в глубине было реальным. Что-то стремилось наружу. Оно ринулось из карты мне в лицо, с биением черных крыл, с карканьем – ворон или ворона.

– Нельзя! – кричала птица. – Нельзя! Убирайся! Изыди! – Она билась о мою голову, а карты сыпались из рук. – Держись подальше! – хрипела птица, кружа по комнате. – Запрещено!

Она перелетела через порог, и я погнался за ней.

– Птица! – кричал я. – Вернись!

Тщетно. Не было ответа, не слышно было и шума крыльев. Я заглядывал в другие комнаты, но ни в одной из них и признака этой твари не обнаружил.

– Птица?..

– Мерлин! В чем дело? – донеслось откуда-то сверху.

Я поднял глаза, дабы узреть Сухая, сходявшего по хрустальной лестнице за пеленой дрожащего света; позади было небо, полное звезд.

– Просто ищу птицу, – ответил я.

– Ох, – сказал он, достигнув пола и переступив пелену, которая сразу вытряхнулась из бытия, захватив с собой лестницу. – Какую-то особую птицу?

– Большую и черную. Из рода говорящих.

Он покачал головой.

– Я могу послать за такой, – предложил дядя.

– Это особенная птица, – сказал я.

– Жаль, что ты потерял ее.

Мы вышли в коридор, я повернул налево и первым зашел в гостиную.

– Карты все разбросаны, – заметил мой дядя.

– Я пытался воспользоваться одной, а она стала черной и из нее вылетела птица, кричащая: «Запрещено!» В этот момент я их и рассыпал.

– Похоже, твой корреспондент или шутник, или заколдован.

Мы присели, Сухай помог мне собрать колоду.

– Скорее последнее, – сказал я. – Это была карта моего отца. Долго я пытался обнаружить его и сейчас подошел ближе всего. Я действительно слышал его голос, там, в темноте, перед тем как вмещалась черная птица и прервала связь.

- Наверное, он заточен в темное место, возможно, к тому ж магически охраняемое.
- Конечно! – воскликнул я, сложив колоду и убирая ее в коробку.

Ничто не в силах распоряжаться веществом Тени в местах абсолютного мрака. Мрак так же надежен, как слепота, когда нужно отвлечь существо нашей крови от побега. Моему недавнему опыту это придает частицу здравого смысла. Некто, желающий лишить Корвина свободы, обязан держать его в очень темном месте.

- Ты когда-нибудь встречался с моим отцом? – спросил я.

– Нет, – ответил Сухай. – Я слышал, что он нанес короткий визит во Владения в конце войны. Но никогда не имел удовольствия...

- Ты слышал что-нибудь о том, что он здесь делал?

– Полагаю, присутствовал на встрече со Свейвилем и его советниками вместе с Рэндом и другими лордами Амбера, когда они готовили мирное соглашение. После чего, как я понимаю, он пошел своей дорогой, и я понятия не имею, куда она могла его завести.

– В Амбере известно не больше, – сказал я. – Не знаю... Он убил вельможу – лорда Бореля – где-то в конце последней битвы. Есть вероятность, что родичи Бореля могли последовать за отцом?

Дядя дважды щелкнул клыками, затем поджал губы.

- Дом Хендрейков... – задумался он. – Думаю, нет. Твоя бабка была из Хендрейков.

- Знаю. Но я с ними практически не общался. Некоторые расхождения с Хелграмами.

– Пределы Хендрейка очень агрессивны, – продолжал он. – Честь воина, понимаешь ли. Я не могу представить их себе в мирное время затаившими злобу за случившееся во время войны.

Припомнив рассказы моего отца, я спросил:

- Даже если они считают убийство не совсем честным?

– Не знаю, – сказал он на это. – Трудно угадывать позиции в таких специфических вопросах.

- Кто сейчас глава дома Хендрейков?

- Герцогиня Белисса Миноби.

- Герцог, ее муж – Ларсус... Что с ним случилось?

- Он скончался при падении Пути. Полагаю, его убил принц Джулиан из Амбера.

- А Борель был их сыном?

- Да.

- Ну и ну. Уже двое. Я и не представлял себе...

– У Бореля два брата, сводный брат и сводная сестра, куча дядей, тетей, кузенов. Большое семейство. И женщины Хендрейков удалю не уступают мужчинам.

– Ну конечно. Есть даже песня: «Никогда не вступит в брак Хендрейкова девица»!.. Можно как-нибудь выяснить, имел ли Корвин определенные дела с ними, пока был здесь?

– Попробую слегка поспрашивать, хотя прошло столько времени... Воспоминания стираются, следы исчезают. Все не просто.

Сухай покачал головой.

- Сколько еще до синего неба? – спросил я его.

- Довольно мало.

- Тогда мне пора отправляться в пределы Мэндора. Я обещал брату позавтракать с ним.

- Увидимся, – сказал Сухай. – На погребении, если не раньше.

- Да. Полагаю, мне следует умыться и переодеться.

Я совершил переход в свою комнату, где вызвал таз с водой, мыло, зубную щетку, бритву, а также серые штаны, черные пояс и сапоги, пурпурные перчатки и рубаху, плащ цвета угля, клинок и ножны. Приведя себя в порядок, я совершил переход через лесную поляну в приемную. Оттуда вышел на магистраль. Потом четверть мили горной тропой, внезапно упершейся в

расщелину; я вызвал пелену, чтобы пересечь ее. Затем я направился прямо в пределы Мэндора, одолев, может, сотню ярдов голубым пляжем под двойным солнцем. Повернул направо, пройдя под памятной каменной аркой, быстро миновал поле пузырящейся лавы и проник сквозь стену черного обсидиана, за которой мне открылась славная пещера, далее по маленькому мостику, наискосок через кладбище и, наконец, на приемную площадку пределов.

Сплошная стена слева от меня была создана из тягучего пламени, а то, что справа, – был путь безвозвратный; свет осенял борозду дна морского, где копошились блестящие твари, пожирая друг друга. Мэндор в человеческом облике сидел прямо перед книжным шкафом, облаченный в черное и белое, ногами упираясь в черную же оттоманку; в руках экземпляр «Прославления» Роберта Хаоса, который я дал ему.

Подняв глаза, он улыбнулся.

– «Гончие смерти страшили меня». До чего ж славная строчка! Как тебе в этом обороте?

... – Наконец отдохнул, – сказал я. – А ты?

Он встал, положив книгу на маленький столик без ножек, парящий поблизости. Тот факт, что Мэндор явно читал эту книгу специально к моему приходу, ничуть не умалял похвалы. Он всегда был таким.

– Вполне прилично, спасибо. Позволь мне тебя покормить.

Он взял меня за руку и повел к огненной стене. Та расступилась, когда мы приблизились, и наши шаги прозвучали в пространстве на миг воцарившейся темноты, почти сразу перешедшей в узкую тропинку – свет проникал сквозь свод ветвей над нашими головами, по обе стороны цвели фиалки. Тропа привела к вымощенному плитняком патио с бело-зеленым бельведером на дальнем краю. Несколько ступеней, и мы поднялись к отлично сервированному столу, тут же, под рукой, стояли запотевшие кувшины с соками и корзины с горячими булочками.

Жестом Мэндор усадил меня. По мановению его руки рядом со мной появился кофейник.

– Я гляжу, ты запомнил мою утреннюю слабость. Спасибо.

Кивая, он едва заметно улыбнулся и сел напротив. Щебет незнакомых мне птиц доносился с деревьев. Ласковый ветерок шуршал листьями.

– Что ты намереваешься делать в эти дни? – осведомился я, наливая себе кофе и разламывая булочку.

– Обозревать сцену главным образом, – ответил он.

– Политическую сцену?

– Как всегда. Хотя недавний опыт в Амбере заставляет меня рассматривать ее как часть куда большей картины.

Я кивнул:

– Твои расследования с Фионой?..

– И это тоже. Они пришлись на очень необычные времена.

– Я обратил внимание.

– Похоже, конфликт между Путем и Логрусом проявляется в мирских делах так же, как в масштабах космических.

– У меня аналогичное ощущение. Но здесь я пристрастен. Меня преждевременно включили в партию космоса, и без всяких на то оснований. Можно подумать, что я за все веревочки дергал, лишь бы только попасть в игру. Мне это не нравится, и, если появится возможность повернуть вспять, я воспользуюсь ею.

– Гм-м, – произнес он. – А что, если вся твоя жизнь была обучением дергать за веревочки?

– Я бы не обрадовался этому. Полагаю, я чувствовал бы себя так же, разве что более напряженно.

Мэндор взмахнул рукой, и передо мной предстал изумительный омлет, сопровождаемый чуть задержавшимся гарнирным блюдом: жареный картофель с чем-то похожим на смесь лука и зеленого чилийского перца.

– Все это лишь предположения, не так ли? – сказал я и приступил к еде.

Здесь последовала длинная пауза, пока мы жевали.

– Вряд ли, – наконец отозвался Мэндор. – Я думаю, Силы, сейчас и уже долгое время, проявляют бешеную энергию, и мы относительно приближаемся к эндшпилю.

– Что заставляет тебя вмешиваться в эти дела?

– Началось с внимательного знакомства с происшествиями, – отвечал он. – Затем последовали выводы и разработка гипотез.

– Избавь меня от лекции о применении научного метода в теологии и человеческой политике, – попросил я.

– Ты спрашивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.